ПОЭТОГРАД

№ 27 (179)
Июль
2015

Народная литературная газета

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Каналы и мосты Санкт-Петербурга. Фоторепортаж Евгения Степанова

Мемуары Владимира Спектора

Выдающийся поэт России Валерий Дударев

Поэзия Александра Карпенко и Вадима Ковды

Юбилей журнала «Нева»

Журнал «Дети Ра»

Пьедестал Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

ВАЛЕРИЙ ДУДАРЕВ

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Есть высшая доля:
однажды,
Всю жизнь отложив на потом,
Пойти одиноким, миражным,
Проселочным, диким путем.

Но в той навалившейся доле,
Когда опускается мгла,
Есть счастье добраться до поля,
Увидеть, как дремлет ветла,
Печальную кликнуть старуху
В глухом, в незнакомом селе,
Свою разделить с ней краюху
На этой вечерней земле,
А там уж, совсем по старинке,
Как будто столетья назад,
Испить из предложенной крынки
Под долгий, внимательный взгляд,
А после скупого прощанья
Услышать:
«Исусе, спаси!»,
Сдержать вековые рыданья
И дальше пойти по Руси.

(Стихотворение из журнала «Нева», № 5, 2015)

СОБЫТИЕ

ЮБИЛЕЙ ЖУРНАЛА «НЕВА»

19 мая в Санкт-Петербурге в библиотеке имени В. В. Маяковского состоялся торжественный вечер по случаю 60-летнего юбилея журнала «Нева».

Мероприятие началось с показа документального фильм о журнале.

Добрые слова о «Неве» в этот вечер говорили многие известные поэты и прозаики: Юрий Поляков, Максим Замшев, Андрей Шацков, Александр Мелихов, Яков Гордин, Алексей Пурин, Евгений Степанов, руководители Комитета по печати Санкт-Петербурга и многие другие. Президент Союза писателей XXI века Евгений Степанов подчеркнул: «Журнал "Нева", хоть и является петербургским по духу и по "прописке", был и остается одним из лучших федеральных журналов. Здесь печатались Шолохов и Каверин, Зощенко и Солженицын, Конецкий и братья Стругацие... Я рад, что и сейчас этот замечательный петербургский журнал держит высокую всероссийскую планку. Совсем недавно я здесь прочитал очень яркие стихи Валерия Дударева, Андрея Шацкова, Максима Замшева, Виктора Ширали и многих-многих других авторов не только из Петербурга, но и из других городов и весей России и даже из зарубежных стран. Это очень здорово! Мне нравится в "Неве" и поэзия, и проза, и, конечно, критика. Всегда с огромным интересом читаю обзоры Елены Зиновьевой. У журнала есть свое лицо, своя позиция. Это не закрытый литературный клуб, не узкая литературная каста, что, по нынешним временам, большая редкость».

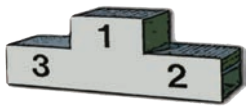
Вела вечер главный редактор Наталья Гранцева.

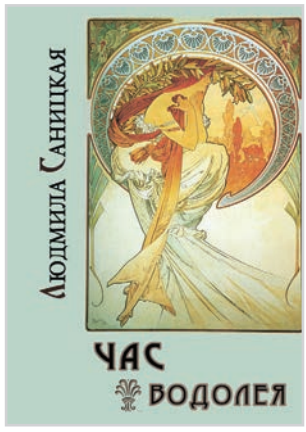
Фёдор МАЛЬЦЕВ,
фото автора

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!





Людмила Саницкая
«Час водолея»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

Лео Бутнару
«Контрасты как необходимость»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

Александр Карпенко
«Сквозь пространство»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ «ДЕТИ РА»

«Дети Ра» — толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года.

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлаботонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор — Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

АЛЕКСАНДР КАРПЕНКО
В МИРЕ РАСКОЛОТОМ

САВИТРИ

Слезы незадачливые вытри —
И забудь, что ни на что не гож.
О принцессе сказочной Савитри
Мне напел Ауробиндо Гхош.

Пусть принцесса любит Сатьявана
И не пара мне ее душа,
На страницах вечного романа
Чудо как царевна хороша!

Ну а мне порой до слез обидно,
Что мой голос слышен не всегда,
Не тревожь меня, Ауробиндо!
В небе стынет синяя звезда.

Из дупла рванули ввысь совы три.
Мудрость, Диалектика и Ложь.
О принцессе сказочной Савитри
Мне поет Ауробиндо Гхош.

2015

* * *

Лауре Цаголовой

Что ты делаешь в мире расколотом,
Орхидея с расстегнутым воротом?
Как ребенка по редкостной родинке,
Ищешь берег неведомой родины...
И цветов ожидаешь реликтовых,
От страстей воспаряя к религии...

Я живу между плахой и молотом,
Орхидея с расстегнутым воротом.
Человек там не ждет сострадания,
Там за встречей идет расставание;
Там уже не излечат поэзия,
Мумие для души и магнезия...

Снова птица порхает над городом,
Орхидея с расстегнутым воротом...
Это наших исканий разведчица
Не находит свершенья — и мечется
Среди глади лазурной безмолвия,
Разрывая мне сердце, как молния.

Что же в мире послужит нам золотом?
Дар любви в этом мире расколотом!
И за то, что мы станем крылатыми,
Сердце, сердце мы отдали платою...

* * *

Мне ничего, мой друг, не жаль
В бездумной этой круговерти —
Лишь утконосая печаль
Напоминает мне о смерти.

Всему на свете выйдет срок,
Души тектоника остынет —
И мы пойдем творить свой рок,
Мумифицируя святыни...

Нет, пусть уж лучше все сгорит
В огне безжалостных безумий —
И ты поймешь, отбросив стыд,
Насколько пепел лучше мумий!

И ты поймешь, куда бежать,
О чем грустить и что лелеять,
И сможешь ты легко дышать,
Лишь разрушая мавзолеи...

* * *

Крайней матрешки не бывает.
Едва достиг, казалось, дна,
Из ниоткуда возникает
Еще одна...

И то, что мудрость привечала,
Привычной обросло игрой,
И прячется первоначало
Из глаз — долой.

Не надо ничего итожить.
Уж лучше на хребте времен
Менять, подобно змеям, кожу:
Из кожи — вон!

Вот ты вздохнул, остыл немножко —
И в голову ворвался стих.
И все мы, в сущности, матрешки —
Для нас самих.

И снова чуждому внимаем;
Нас гонит, словно листья, ветр,
И мы привычно вынимаем
Себя — из недр.

24.05.15

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Мне гадала весталка-девица,
Огорошив до дрожи меня,
Что в любви мое счастье продлится
Лишь три года, три ночи, три дня.

Не сберег я поленья от тленья...
Почему, не пойму до сих пор.
Видно, в счастье искал я забвенья —
И забыл про судьбы приговор.

И однажды — с внезапностью муки —
Мне поведали звезды полей,
Что послы не любви, а разлуки
Поджидают меня у дверей.

И, безумьем охваченный звездным,
Бумерангом всеведенья я
Вспомнил все — только было уж поздно
Возвращаться на крУги своя.

На холодном, бестрепетном ложе
Боль-тоска одолела меня:
Я теперь по-другому бы прожил
Те три года, три ночи, три дня...

Так всегда в этой странной отчизне:
Рождены, чтоб стремиться и сметь,
Под гипнозом смеющейся жизни
Про свою забываем мы смерть.

* * *

«Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?»
Фёдор Тютчев

светлой памяти матери моей, Ольги Яковлевны

Догорает пожарище дня,
Снова прошлое рвется наружу.
Мама, милая, слышишь меня?
Ты дала мне бесстрашную душу!

Сколько лет с потаенной мольбой
Я твой облик в душе своей нежил!
Если б я был рожден не тобой,
Может быть, я так вольно бы не жил...

Я сиротства следов не таю:
От печали есть верное средство —
И твой облик, и душу твою
Напрямик передать — по наследству.

Чтобы дочка-сорвиголова,
Упований моих не нарушив,
Вдруг промолвила те же слова:
«Папа дал мне счастливую душу!»

РАЗГОВОР С КОМЕТОЙ ГАЛЛЕЯ

На негаснущем небе алея,
Распустив ослепительный хвост,
Показалась комета Галлея,
Долгожданный космический гость.

Заплясали вокруг метеоры,
Закружилась цветная пыльца —
И... откликнулись звездные хоры,
Звонкой мессой, зовущей сердца.

Льется, ширится звездная месса,
Кавалькады огней торжество.
Если б был я Великим Эфесцем*,
Я признал бы в тебе божество!

О жар-птица, небесная манна!
Ты опять возвращаешься в срок.
Чем зовет тебя, чем же так мАнит
Наш далекий земной огонек?

От тебя ожидают возмездий,
Катастроф, небывалых чудес.
В пенном море лучистых созвездий
Ты прекрасна, русалка небес!

Под тобой веселился патриций,
И влачил свою ношу плебей;
Ты видала костры инквизиций
И разгул беспримерных страстей!

Вечный Жид в оболочке хвостатой,
Что несешь ты, ответ иль вопрос,
Наших скорбных надежд соглядатай,
Ревизор наших призрачных грез?

Скоро все мы, питомцы стремлений,
Воротимся на крУги своя!
Но тебе — в колесе возвращений —
Не наскучила ль вечность твоя?

Или правда, что в космосе мглистом
Циолковского сбылся завет,
Человечество стало лучистым,
И в тебе — нашей истины свет?!

———————————————————

Друг мой милый, я гибну, я стражду;
С окаянной тоской в голове,
Как хотел бы я в жизни однажды
Метеором сгореть в синеве!

Бренность тела осилить непросто:
Так немного земного огня...
Возвращайся. И... выслушай просьбу:
Стань крылатым мостом для меня!

И, быть может, судьба улыбнется
На твоем лучезарном крыле
Путешествовать к светлому Солнцу —
И домой возвращаться — к Земле!

1986

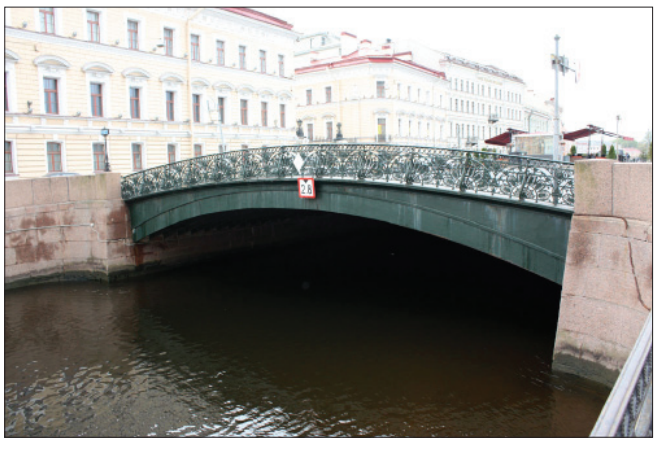
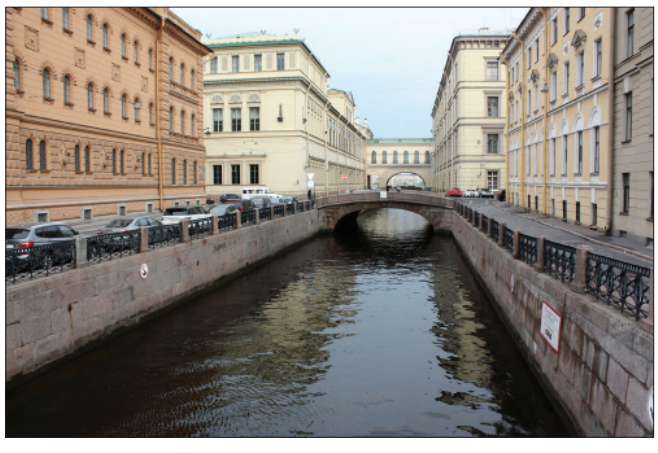
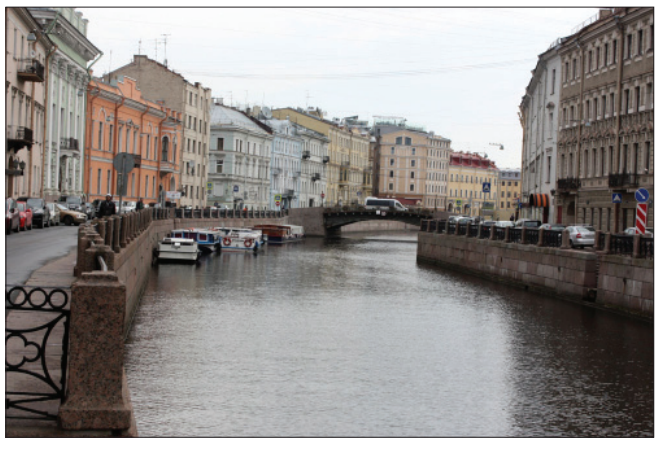
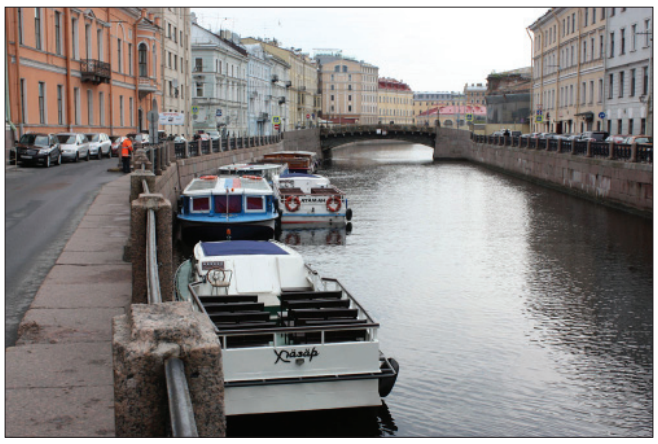
** Гераклит Темный из Эфеса.*

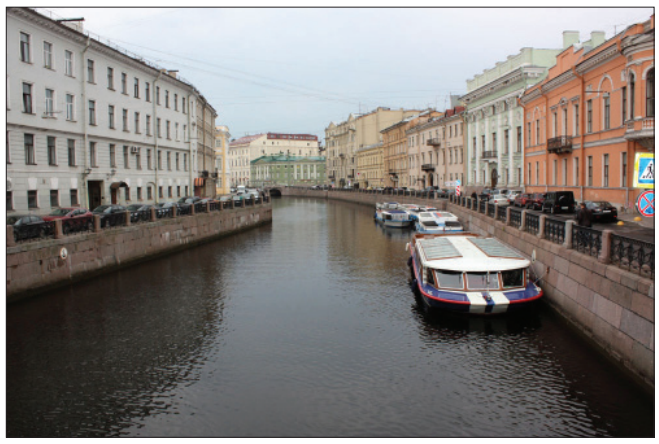
ФОТОРЕПОРТАЖ ПОЭТОГРАДА

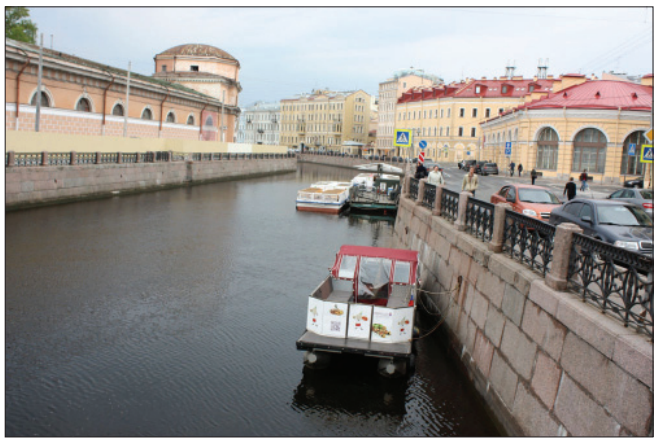
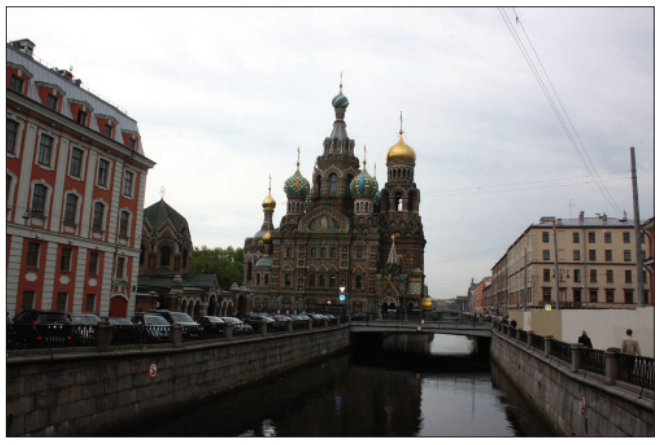
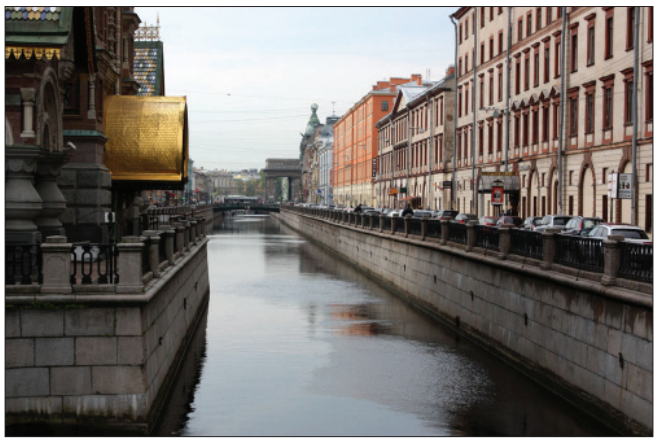
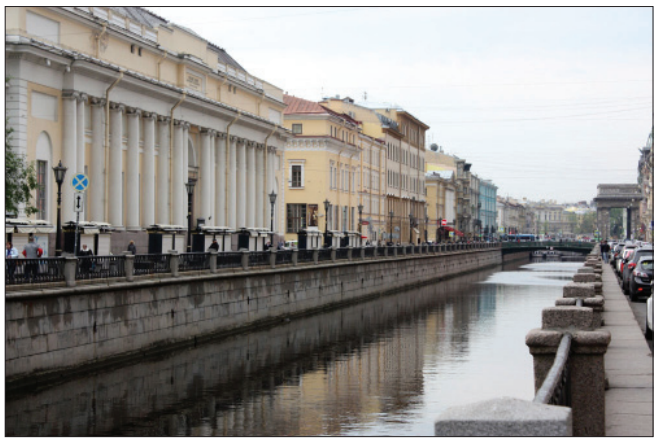
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — ЭТО ПОЭЗИЯ

Каналы и мосты, вода и камни — это Санкт-Петербург, это поэзия, это любовь, это счастье.
Пытаюсь выразить свою любовь этими фотографиями.

Евгений СТЕПАНОВ,
фотографии автора



ВАДИМ КОВДА
ВСЕ ЭТО ВНУТРИ

ПАМЯТИ ДОКТОРА ЯНУША КОРЧАКА*

Среди самых священных историй
я не помню священной такой.
Доктор Корчак, Вы шли в крематорий,
чтобы детский продлился покой?..

Но сиял ли тогда в поднебесье
строгий глаз средь литой синевы?
Ведь Христос-то, он знал, что воскреснет.
Ну а Вы, доктор Януш, а Вы?..

Вот чугунные двери закрыли.
Вот одежды заставили снять.
Что Вы, доктор, тогда говорили?
Вы смогли во спасенье солгать?

Но какое же это спасенье?
Все мертвы, а страданья — не счесть.
Слышу пенье, негромкое пенье...
Спасены от распада и тленья
только совесть людская и честь.

Вы глядели спокойно и немо.
Вы другой не искали судьбы —
вместе с дымом в безмолвное небо,
вместе с дымом из черной трубы.

Растворились в просторе широком,
по пространствам ветра разнесли...
Я вдыхаю Вас, старый мой доктор,
чую в каждой частице земли...

** Януш Корчак (1878—1942) — литературный псевдоним польского еврея, врача и педагога Генрика Гольдшмидта, погибшего в газовых камерах Треблинки вместе с 200 воспитанниками и персоналом «Дома сирот».*

* * *

Куда б ни шел, куда б я ни стремился,
какой бы факел света ни возжег —
на всех дорогах дьявол притаился,
он каждое мгновенье стережет.

Я чувствую его... Он пахнет адом!
Я перед ним лишь жалкий инвалид...
Вот он внутри... А вот он где-то рядом...
То за хер схватит, то мозги спалит.

ДУША МАМЫ

Сколько льдов, и снегов, и тумана!
Сколько слез и предательств во мгле!
Где теперь моя грустная мама? —
Тридцать лет в этой грустной земле.

Не успел проявить интереса,
ни помочь, ни отринуть кошмар.
Почему из веселой Одессы
вдруг рванулась она в Краснодар?

Над былым — голубая завеса,
за которой клубится беда.
Я родился в период репрессий,
и они не прошли никогда.

Сколько хамства, и лжи, и нахрапа!
Комсомолия, голод и культ...
Что содеял мой ветреный папа,
чтоб тебя уничтожил инсульт?

Эта жизнь расцвела и распалась.
Все забыто — осталась молва.
Впрочем, нет — ничего не осталось!
Лишь душа твоя, знаю, жива.

Все летает она над Москвою
легким облачком в мареве дня.
А ночами кружит надо мною
и глядит, и глядит на меня.

МОНОЛОГ РАСКАЯВШЕГОСЯ

А если всерьез поразмыслить
о том, кто я все же такой,
какие я знал компромиссы...
Ах, Господи, Боже ты мой...

Как врал, заправляя арапа,
как лживо зрачками вращал...
Не зря мне партийный мой папа
приемы свои завещал.

И стыд ощущаю, и муку,
твою чую, Господи, месть,
как вспомню нечистую руку,
что жал, позабыв свою честь.

И плачу, полжизни итожа.
Молю: — Хоть сейчас образумь!
Прости меня, Господи Боже,
и в рожу корыстную плюнь.

ГОЛОС ПОКИНУТОЙ

А душа все пустей и пустей.
В ней все глуше и тише.
Что ты сделал с любовью моей! —
Я уже ненавижу.

Я — как высохший куст без корней
среди сора и пыли.
Что ты сделал с любовью моей!
Что ты сделал, мой милый!

Боль во мне все острей и острей.
Адским жаром чадящих углей
жгут и душат страданья.

Умирай же, душа, поскорей —
дотлевай же, черней, холодей...
Начинайся ты, жизнь тараканья...

МОНОЛОГ НИЗЛОЖЕННОГО

Обрушилась империя моя.
Все родичи мои — на эшафоте.
Последнего терпения моря
последние раздумия поглотят.

И вот стою — великолепный царь,
насмешкам и проклятиям внимаю.
И чернь кричит у моего лица...
Все понимаю, но не принимаю.

Я сжал лицо свое в светлейший лик,
сверкать заставил свой наследный титул.
Пусть я всего лишь немощный старик,
но пусть никто не знает про обиду.

Пусть видят: я — священный государь
под золотой и розовой эмалью.
Бей, раб! На! бей! Еще ударь!
Я низложения не принимаю!

Пусть добрых глаз в толпе не отыскать,
я ропот шлю покинувшему Богу.
Пусть по щеке харкотине стекать,
я удержу и скипетр, и тогу...

Рыгает редькой мне в лицо конвой.
Они смеются, жалкие плебеи...
Недолго мне... Я лишь одно лелею:
остаться до конца самим собой.

ЦВЕТОК

Памяти А. Тихомирова

Палый кружится листок.
Воздух о воздух шуршит.
Маленький синий цветок
возле дороги лежит.

Лужи, обочина, грязь...
Долго брожу, одинок...
Словно земли этой глаз —
маленький синий цветок.

Здесь он родился и цвел.
Ныне лежит чуть живой.
Скудный родимый подзол
скудно украсил собой.

Вот самосвал прокатил.
После прошелся каблук.
Вот он склонился без сил,
больше не ведая мук.

Больше ему не цвести,
горя не знать на веку...
Он меня может спасти,
я же его не могу.

ПАМЯТИ КНЯЖНЫ

Думай, Стенька! Все видно заране:
хватит воли, отваги и сил...
Все равно проиграешь восстанье —
для чего ты княжну погубил?

Пролил крови. Награбил. Дорвался.
А теперь еще мягок ночлег.
Ну, зачем ты над ней надругался —
может быть, и она человек?

Ах, не тот еще ветер подует.
Ах, крепка еще кость у Москвы.
Пусть старшина ревет и лютует,
но тебе не сносить головы.

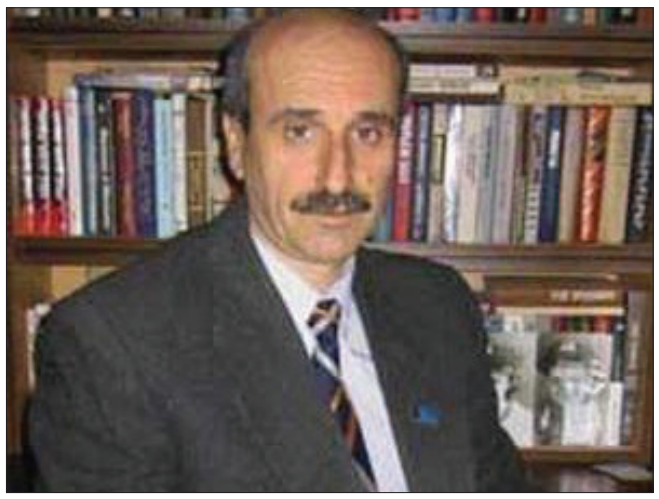
Не спасут ни оружье, ни деньги,
мрак обступит, не вылечит хмель.
Ты пропал в то мгновение, Стенька,
когда кончить решил канитель.

Погуляй, побунтуй же, приятель,
взбаламуть подневольный народ.
И на век твой найдется предатель...
Подожди, уже близок черед.

ПАМЯТИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Не проста эта жизнь, не проста.
Давит, жжет ядовитая дума:
пусть евреи распяли Христа,
ну, а кто сжег живьем Аввакума?..
Но молчат. Не приемлют вины.
Крутят, врут на стремнине летейской...
Лишь мои, чую, дни сочтены
в скорбной участи русско-еврейской.
Для чего полукровкой рожден?
Что имела судьба на примете?
На меня с высоты смотрит ОН.
Я раскаюсь за тех и за этих...

ВЛАДИМИР СПЕКТОР
ШКОЛА НА ВСЮ ЖИЗНЬ...



Времена и падежи.
Лица чьи-то и глаголов...
То ли школа на всю жизнь,
То ли жизнь сплошная школа.

«Школьные годы чудесные» начались для меня в сентябре 1958 года во дворе 20-й луганской средней школы. Еще не так давно посреди этого двора стоял памятник Сталину, потом он исчез, и двор от этого стал казаться более просторным. Впрочем, это сегодня так вспоминается и воспринимается, тогда об этом думалось меньше всего. Летом был куплен большой портфель, деревянный пенал, ручки, карандаши, набор перьев, чернила, чернильницы, тетради с промокашками (это — отдельная песня, сегодня забытая напрочь)... Были приобретены счетные палочки (и маленькие счеты), кассы букв, слогов и цифр (их надо было вырезать из плотной бумаги и вставлять в бумажные же карманы). И еще появилась серо-голубая военизированная школьная форма с фуражкой. На кокарде фуражки — позолоченная раскрытая книжка в обрамлении дубовых листьев. Папа сказал: «Прямо, как в кадетский корпус отдаем». Что такое «кадетский корпус» я тогда не знал, но название запомнил. Потом купили еще один школьный мундир черного цвета с желтыми металлическими пуговицами и обязательным белым воротничком наружу. Точно не помню, но, по-моему, вплоть до пятого класса носил тот китель, уже с красным галстуком и белой с красным крестиком повязкой санитара на рукаве (была такая дурость). Но первого сентября меня привели в школу в штанишках до колен и нарядной кофточке. Звучал «Школьный вальс» Дунаевского и Матусовского, нас выстроили по периметру двора, и началась торжественная линейка... Здесь я сделаю отступление и помещу статью о замечательном земляке Михаиле Матусовском, многие стихи которого, став песнями, воистину обрели бессмертие.

ФОТОГРАФ? МУЗЫКАНТ? ПОЭТ!

Я песне отдал все сполна, в ней жизнь моя, моя забота,
Ведь песня людям так нужна, как птице крылья для полета.
Михаил Матусовский

В советские времена, когда в Луганск, периодически становившийся Ворошиловградом, приезжали высокие гости, в качестве достопримечательностей им показывали немногое: памятные знаки, связанные с гражданской и Великой Отечественной войнами, рабочее место будущего красного маршала Клима Ворошилова на тепловозостроительном заводе, шахтерские города Краснодон и Ровеньки, овеянные славой подпольной организации «Молодая гвардия». Все это, безусловно, достойно внимания. Но ведь Луганск — это еще и родина известных писателей, чьи имена составляют гордость отечественной литературы. В первую очередь, это — великий знаток слов, этнограф, гуманист Владимир Даль. А еще здесь жили автор первого украинского словаря Борис Гринченко, советские литераторы Борис Горбатов, Тарас Рыбас, Федор Вольный, Павел Беспощадный (даже в фамилиях — колорит эпохи), Владислав Титов, Михаил Пляцковский... И Михаил Матусовский, чьи песни считаются народными, а это, говорят, первый признак, по которому автора заносят в разряд «классиков».

«ВЕЛОПРОБЕГ» И «СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ»

Старый центр Луганска, словно стрелой, пересекается когда-то самой респектабельной и аристократической улицей Петербургской, ставшей в советское время Ленинской. Когда-то здесь чинно и вальяжно прогуливались мещане, служивый люд, гимназисты, разглядывая витрины шикарных магазинов, ресторанов, фотоателье. Со временем и улица, и нравы становились проще, демократичней и, в тоже время, провинциальней.

Центр сместился на улицу Советскую. А на Ленинской приметы прежней жизни остались лишь в архитектурных украшениях старинных, давно не знающих ремонта особняков. И уж совсем давно нет здесь фотосалона Льва Матусовского, который открылся в начале прошлого века и был одним из самых популярных в городе. В семьях коренных луганчан и по сей день хранятся фотоснимки, сделанные в этом салоне.

В сердце дунет ветер тонкий, и летишь, летишь стремглав.
А любовь на фотопленке держит душу за рукав.

Перед «цейсовским» объективом мастера «проходил весь город — старые и юные, учащиеся и военные, местные и приезжие, женатые и холостые, подвыпившие и трезвые, толстые и тощие, спешащие оставить память о себе на листках удостоверений личности или в семейных альбомах. Мой отец был своеобразным летописцем города, ему были известны самые заветные тайны». Это — выдержка из автобиографической книги «Семейный альбом» младшего сына Льва Матусовского — Михаила, который тоже мог на радость папе стать фотографом, но стал на радость миллионам читателей и слушателей поэтом. Да каким!

Кирпичный дом, и дым жилья, и запах мокрого белья —
вот родословная моя... Отец выпрашивал куски,
считал обиды и пинки, и счастлив был, когда попал
К фотографу в ученики...

Впрочем, вполне могло случиться и так, что вместо популярного поэта мир обрел бы не менее замечательного музыканта. Соответствующие задатки у маленького Миши были. И его родителям порой грезился переполненный концертный зал с роскошными люстрами, зажженными ради их сына, и он сам, раскланивающийся перед публикой. Сам же Миша постарался быстро развеять их иллюзии. «Хотя, может быть, и погибло во мне музыкальное дарование», — писал Матусовский в своей книге. Но себя музыкантом в будущем не видел: уже в детстве писал стихи... Первое стихотворение «Велопробег» опубликовал в областной газете «Луганская правда» еще в 12-летнем возрасте. Кстати, в том же номере, на той же странице было напечатано и стихотворение его брата, чье дальнейшее творчество нам не известно. А Михаил позднее, став признанным поэтом, счел свои стихи, созданные в детстве, «из рук вон плохими». И даже просил прощения «у терпеливых луганских читателей»...

И СЛУЧАЙ ПОМОГ ТОЖЕ

Шли годы. После окончания школы Матусовский писал афиши для заводского клуба, рисовал карикатуры для многотиражки, работал тапером в кинотеатре. Будучи студентом Ворошиловградского (Луганск к тому времени уже был переименован) строительного техникума, руководил возведением двухэтажного здания медсанчасти на территории паровозостроительного завода... В годы войны многие заводские помещения были разрушены. Но здание бывшей медсанчасти и по сей день стоит прочно и надежно. «Вот ведь как получается: сколько сгорело городов и деревень, рухнуло очагов и кровель, а скромный двухэтажный домик, для которого достаточно было бы одной небольшой фугаски, стоит себе и стоит. Если бы хоть две стихотворные строки мои выдержали такое испытание временем, как дом моей юности!» — это строки из все той же книги воспоминаний. Фундамент стихов Матусовского оказался не менее прочным, чем построенный им дом. Но время славы никогда не бывает торопливым. Вероятно, он был бы хорошим строителем, хотя «учиться в техникуме невыносимо скучно», — так он писал друзьям, думая, скорей всего, не об эпюрах напряжения, а о стихотворных размерах. И хорошо, что в его судьбу, как водится, вмешался Его Величество Случай. В город на Лугани с творческой встречей приехали поэты из столицы — Евгений Долматовский и Ярослав Смеляков. Молодой техник-строитель Матусовский принес на суд гостям затрепанную тетрадку своих стихов. И услышал от них: «В вас что-то есть. Приезжайте учиться в Москву».

ЗАРЕЧНАЯ, СЕРДЕЧНАЯ...

И вот луганчанин едет покорять столицу. Как сам рассказывал впоследствии, ехал с чемоданом стихов, «угрожая завалить столицу своей продукцией». Поступив в Литературный институт, подружился с Маргаритой Алигер, Евгением Долматовским, Константином Симоновым. Вместе с Симоновым после окончания института поступил в аспирантуру при Московском институте истории, философии и литературы (в 1939 году). Константин Симонов, ровесник и единомышленник, был одним из его ближайших друзей. На каникулы вместе приехали в провинциальный Луганск, написали и издали в Москве совместную книгу рассказов и стихов «Луганчане». Кандидатская диссертация Михаила Львовича была посвящена древнерусской литературе. Защита ее была назначена на 27 июня 1941 года. Но, уже в ночь с 22-го на 23-е поэту стало известно, что ему немедленно надлежит получить документы военного корреспондента и отправляться на фронт! В виде исключения защита диссертации состоялась без соискателя. Уже на Западном фронте ему стало известно о присвоении ученой степени кандидата филологических наук. Военный журналист Матусовский воевал на Северо-Западном, 2-м Белорусском, Западном фронтах Великой Отечественной войны. Среди его фронтовых наград, к которым он был представлен за мужество и героизм, — ордена Красной Звезды, Октябрьской революции, Отечественной войны первой степени, Трудового Красного Знамени, медали. Помимо фронтовых публикаций, и в годы войны, и после нее Матусовский написал немало текстов песен на военные темы. Сюжеты почти всегда брал из жизни. Многие из тех песен уже давно стали классикой. Но поэт видел в них лишь робкие ученические наброски. По-настоящему первой своей удачей считал «Вернулся я на родину», в которой говорится о том, как после окончания войны автор возвращается в свой родной город (Заречная — одна из улиц старого Луганска):

Вернулся я на родину. Шумят березки встречные.
Я много лет без отпуска служил в чужом краю.
И вот иду, как в юности, я улицей Заречною,
И нашей тихой улицы совсем не узнаю...

Музыку к этой песне написал Марк Фрадкин, первым исполнителем стал Леонид Утесов. «Я был счастлив и горд, когда ее начал петь Леонид Утесов... После него я поверил в силы и возможности песни», — писал поэт.

К ВОПРОСУ О НАРОДНОСТИ

Интересна судьба песни, которой он не придавал особого значения.

Сиреневый туман над нами проплывает.
Над тамбуром горит полночная звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
что с девушкою я прощаюсь навсегда.

Долгое время она считалась фольклорным вариантом студенческого гимна. Ее пели у костра и за столом, на вокзалах и в дворовых компаниях. Не пели ее только с эстрады, ибо ее служители приклеили песне ярлык немного вульгарной и даже полублатной. Что сказать, «Это время в ушах — БАМ!» звучало, конечно, более идеологически выдержанно. Но и на БАМе строители пели «Сиреневый туман», предпочитая его многим другим рекомендованным к исполнению постылым шлягерам. Вернул на эстраду и в радиоэфир хорошую песню Владимир Маркин, который и сам, по его словам, поначалу не знал, кто же является автором слов, запоминавшихся слушателям с первого раза. Хотя стиль Матусовского тут налицо — искренний, трогательный, задушевный. Песню «Подмосковные вечера» многие тоже считают народной. А, между тем, судьба ее была совсем непростой (сродни народной). Создавалась она для фильма «Мы были на Спартакиаде».

Руководители студии кинохроники вызвали авторов в Москву, чтобы выразить недовольство этой «вяловатой лирической песенкой». Кто сейчас знает этих критиков, кто помнит их «киношедевр»? А «Подмосковные вечера» живут уже более полувека и терять свою популярность не намерены. Не менее знаменитой и любимой стала и песня «С чего начинается Родина». Между прочим, он неоднократно менял текст, выбирая наиболее точные слова, пока стихи не приобрели тот вид и содержание, которые мы знаем и любим. Многие произведения написаны Матусовским специально для кино. Вот лишь некоторые «его» фильмы: «Щит и меч» (кстати, «С чего начинается Родина» — именно оттуда), «Тишина», «Верные друзья», «Испытание верности», «Неподдающиеся», «Девчата», «Матрос с «Кометы»... Песни Матусовского исполняли Леонид Утесов, Марк Бернес, Владимир Трошин, Георг Отс, Николай Рыбников, Лев Лещенко, Муслим Магомаев, Людмила Сенчина... список можно продолжать и продолжать. Уехав из родного Донбасса, поэт не забыл его. Знаменитый романс из фильма «Дни Турбиных» тоже посвящен Луганску, чьи улицы в мае буквально залиты пьянящим ароматом цветущей белой акации:

Целую ночь соловей нам насвистывал,
город молчал, и молчали дома,
Белой акации гроздья душистые
ночь напролет нас сводили с ума...

Продолжение на стр. 6

Продолжение. Начало на стр. 5

ВЛАДИМИР СПЕКТОР
ШКОЛА НА ВСЮ ЖИЗНЬ...

НЕСТАРЕЮЩИЙ ШКОЛЬНЫЙ ВАЛЬС

В книге «Семейный альбом» немало теплых строк поэт посвятил родной школе и особенно любимой учительнице русского языка и литературы Марии Семеновне Тодоровой. Она учила не только любить и понимать литературу, но и помогала своим ученикам лучше разбираться в житейских ситуациях, отличать пропагандистскую мишуру от правды жизни.

За все приходится платить — судьбой, монетой, кровью...
И снова «Быть или не быть?» — венчает изголовье.
Не отрекаясь от грехов, любви, ошибок, боли,
На «Будь готов!» — «Всегда готов!» твержу, как раньше, в школе.

«Загадочные строки "Мцыри", разбегающиеся, как чернь по серебряным ножнам, свободные, обманчиво простые, написанные почти так, как мы разговариваем с вами, четырнадцатистишия "Онегина", строки некрасовских "Коробейников", которые, если бы даже не были положены на музыку, все равно оставались бы песней, — все это я услышал впервые из уст Марии Семеновны», — вспоминал Матусовский. Как много он писал в школьные годы! У него был целый мешок лирических стихов, пародия на «Евгения Онегина». Начинал роман-трилогию на манер Гарина-Михайловского, сочинил бытовую комедию, в 11 лет начал работу над воспоминаниями «о прожитом и пережитом». Но Мария Семеновна, с которой Миша делился своими творческими планами и показывал свои опусы, возвращала его на землю. Она не давала ему бесполезных советов, не читала скучных нотаций. Она просто предлагала почитать настоящие книги, развивала вкус и понимание литературы. Михаил всю жизнь помнил и любил свою школьную учительницу. Одним из его соавторов был Исаак Дунаевский. Именно по его просьбе Матусовский и написал стихи-воспоминание о школьных годах. Но получившийся в результате совместного творчества романс не вызвал особого восторга поэта. Тут же композитор, вспоминает Матусовский, установил на пюпитре вместо нот пустую коробку из-под папирос «Казбек», на которой была начертана лишь одна нотная строка. И Михаил Львович впервые услышал грустную, щемящую мелодию «Школьного вальса».

Давно, друзья веселые, простились мы со школою,
Но каждый год мы в свой приходим класс.
В саду березки с кленами встречают нас поклонами,
И школьный вальс опять звучит для нас.
...Под звуки вальса плавные я вспомнил годы славные,
Любимые и милые края, тебя с седыми прядками
Над нашими тетрадками, учительница первая моя.

Многих ли авторов песенных стихов мы помним? Лебедев-Кумач, Исаковский, Рождественский... Забываются многие, весьма достойные фамилии. Но — остаются лучшие, и среди них — Михаил Матусовский. И хоть его именем не названа еще улица в родном Луганске, памятник ему стоит у входа в институт культуры. А литературная премия Межрегионального союза писателей, которую вручают украинским поэтам за достижения в русской поэзии, так и называется — премия имени Матусовского. Но, самое главное, звучат песни на его стихи. А для поэта — это лучшая память.

P.S. Буквально несколько слов об опыте моего общения (заочного) с Михаилом Матусовским. В начале 80-х я набрался нахальства и послал ему в Москву свои тогдашние стихи. Исходя из неудачного результата переписки с двумя киевскими поэтами (они даже не ответили на мои письма), ожидания мои были пессимистическими. Но, считал я, послать стихи нужно, ибо желание получить оценку своих творений от мастера было очень велико. К своему удивлению (и радости!) ответ пришел довольно скоро. Ответ теплый и деликатный. Навсегда запомнил несколько строк: «Искра Божья в Вас есть. Но прежде, чем завоевывать столицу, нужно завоевать Луганск, где очень хорошие литературные традиции». Конечно, он был прав. Его письмо очень помогло мне, придав силы и какую-то уверенность в себе. Спасибо Вам, Михаил Львович!

А сейчас вновь вернемся в школьный двор, каким он был 1 сентября 1958 года. Мама сказала: «Держись ближе к учительнице». Ею оказалась решительного вида, не худая, как по мне тогда — очень немолодая (на самом деле — 40-летняя) тетя с громким командирским голосом. Звали ее Евгения Наумовна Бекетова, и в течение четырех лет, за исключением каникул и выходных дней, мы встречались с ней ежедневно. Сегодня, характеризуя ее, первым делом, хочется сказать: «Справедливая», и это, наверное, самая важная (и высшая) оценка для учителя из уст учеников. Она, наверное, бывала разной, но, главное, не была злой и вредной. И все это ощущали. Любимая ее фраза: «В тихом омуте черти водятся» часто относилась ко мне, когда я увлекался злободневной беседой с очередным соседом по парте (нас часто пересаживали, чтоб все подружились). В тот день я протиснулся к ней и стал рядом, как сказала мама. Учительница посмотрела на меня и спросила: «Как тебя зовут?» Я ответил: «Вова». «Сразу вижу, Вова, будешь отличником. Только представлять себя надо не Вовой, а Владимиром, как Маяковский» — неожиданно посоветовала она. На что я добавил: «И как Ленин». Она взглянула на меня с изумлением и сказала: «Ну, посмотрим». Про Ленина я брякнул, потому что слышал о нем от мамы. На Евгению Наумовну это произвело впечатление, потом она об этом несколько раз вспоминала и подчеркивала: «Не ошиблась». Против шеренги первоклассников, в которой стоял я, выстроилась шеренга выпускников, и мы обменялись подарками. То есть, мы вручали им букеты цветов, а они нам — заранее купленные игры и игрушки. Мне повезло — «мой» десятиклассник подарил игру «Футбол». Это было здорово! Игра оказалась простецкой — фигурки футболистов в розовой, желтой и синей форме нужно было передвигать по игровому полю, а количество шагов традиционно указывал подбрасываемый кубик. Но все равно, это был футбол! Слово магическое для меня уже тогда, и оставшееся таким на всю жизнь. Вот как я писал о своей любви к этой Игре:

О ФУТБОЛЕ С ЛЮБОВЬЮ

«Некоторые считают, что футбол — дело жизни и смерти.
Они ошибаются: футбол гораздо важнее»
Вадим Синявский

Футбол воспринимаю, прежде всего, как борьбу характеров, личностей, как отражение жизни с ее духом азарта, атмосферой честного состязания (хотя, конечно, понимаю, что, как в жизни, здесь далеко не все честно). Люблю стадион, ощущение единства, сопереживание игры, особенно, когда футболисты не «отбывают номер», а играют от души, стараясь еще раз доказать всем, и себе, в том числе, что ты — сильнее, лучше. Все это — основа любительского спорта, где нет баснословных ставок и премий, а есть просто желание победить. Но и профессионалы получают большие деньги, в принципе, за это. За предоставленную возможность миллионам людей ощутить себя способными на победу где-то там, на своем жизненном поле. Первый раз попал на футбол вместе с отцом. Он взял меня, еще дошкольника, с собой на стадион имени Ленина, где «Трудовые резервы» принимали, по-моему, «Авангард» Желтые Воды. Помню разноцветные флаги, красные футболки «наших»... В общем, ощущение праздника осталось на всю жизнь. Как все, собирал программки, справочники и буклеты, которые выпускали Борис Брусилов и Владлен Бондаренко (отличные, кстати, были справочники). Естественно, что футболисты в моих глазах, да и всех моих друзей детства, были героями. Даже когда «Заря» выступала в классе «Б», большинство болельщиков знало игроков не только по фамилиям, но и в лицо. Может быть, потому что развлечений было тогда меньше, а, может, как говорил Аркадий Райкин, такова волшебная сила искусства (а настоящий футбол всегда сродни ему). Котенко, Костенко, Балаба, Першин, Волченков, Гуреев, Галустов, Глухарев, Гришин... Фамилии можно продолжать долго. Мне повезло, в нашем дворе жили Геральд Середняков, Михаил Иванов, Гюндуз Джафаров, Юрий Ращупкин, Леонид Клюев. А чуть позднее — Владислав Проданец, Владимир и Виктор Абрамовы. Не скажу, что в глазах мальчишек это были небожители, но что-то особенное, отличавшее их от всех остальных, в этих молодых людях было. Может быть, ощущение успеха, уверенности в собственных силах. Что характерно, они всегда были хорошо, модно одеты, подтянуты, как говорится, спортивны. Не помню, чтоб я видел их в тренировочных костюмах, чтобы вид их был небрежным или расхлябанным. Мои родители подружились с Юрием Ращупкиным и его женой Наташей, и они несколько раз были у нас в гостях. Не забыть спокойного обаяния Юрия Михайловича, всей своей сутью подтверждавшего мысль о том, что сильные люди — обязательно добрые. Несколько сезонов он давал мне свой абонемент на центральную трибуну, где собирались знатоки и ценители игры. Их реплики, замечания по ходу игры делали ее для меня еще более осмысленной. А Леонид Клюев был более похож на интеллигентного молодого ученого, чем на спортсмена. Человек он был очень порядочный и скромный. После окончания футбольной карьеры пошел работать в шахту, где трагически погиб во время аварии. Один раз он, Михаил Иванов и Юрий Михайлович смотрели у нас по телевизору матч сборной СССР. Они так легко и точно, словно изнутри, читали игру, отмечая и наигранные комбинации, и симуляцию, и, только им ведомые нюансы, что футбол в очередной раз для меня открылся с новой стороны. «Заря», мне кажется, во все времена, за редким исключением, была командой, собиравшей личности не только с футбольной точки зрения, но и с общечеловеческой. Может быть, потому, что часто везло с тренерами, а ведь в их числе кроме легендарного Германа Зонина, были не менее легендарные Константин Бесков, Евгений Горянский, Всеволод Блинков, Олег Базилевич, Иожеф Сабо. Да и луганчане Валентин Глухарев, Валерий Галустов, Вадим Добижа, Юрий Елисеев, Анатолий Куксов, Александр Журавлев, Владимир Кобзарев — все они люди выдающиеся, преданные футболу, вкладывающие в свое дело всю душу. О чемпионском составе написано уже много, хотя эти люди достойны еще большего внимания. Интересно, что все они, и завершив карьеру игрока, проявили себя, как замечательные специалисты, все, что называется, нашли себя, продолжают оставаться образцами для подражания. Очень хорошие футболисты подобрались в «Заре» в 1986 году, когда она вышла в первую союзную лигу. Горковенко, Юран, Ярошенко, Найденко, Тарасенко, Сорока, Гусейнов, Волотек, Колесников, Кобзарев... Это только те, кто вспомнились сразу. Чувствовалась во всех матчах того времени заряженность на борьбу. Не зря тогда «Зарю» называли командой с бойцовским характером. Жаль, что потом не удалось удержать состав, да и характер испортился. Кстати, в 80-е годы в Луганске появилась целая плеяда молодых талантливых игроков, из которых, к сожалению, только единицы стали настоящими большими мастерами. Причем, речь не о Заварове и Юране. Они сумели реализовать свой талант и стать звездами. Но ведь были еще Гамула, Зубенко, Иванов, Попелнуха, Грицина, Яцык, Хромей, Гетьман, многие другие... О них мне рассказывал Валерий Шиханович, замечательный тренер, чьи воспитанники и сегодня играют в командах бывшего Советского Союза.

В тот победный сезон мне и Алексею Жданову пришла в голову, как оказалось потом, счастливая мысль написать гимн «Зари». Алексей вместе с Юрием Журавлевым написали музыку, а исполнила гимн группа «Привет». Правда, на торжественной церемонии во Дворце культуры имени Ленина он звучал в исполнении молодого солиста филармонии. Очень долго после этого гимн не был востребованным. «Заре» было не до музыки. Вообще, 90-е годы — это, по— моему, один из самых грустных периодов в судьбе команды. Но в начале нового века она обрела второе дыхание, и, когда мы с моим другом Родионом Дерием, известным композитором и аранжировщиком, предложили гимн в новой, более динамичной обработке, он был без колебаний принят. И несколько лет звучал перед каждым матчем, словно сигнал к атаке. Мы с Родионом, который тоже заядлый болельщик, постарались вложить в песню нашу любовь к футболу и к любимой команде. Ее состав я и сегодня могу назвать без запинки, и основной, и резервный. Написали мы и новый вариант гимна «Зари». Но, видимо, время для его исполнения еще не пришло.

Марш футбольный — со всех сторон. Ветер первенства — ветер весенний.
Растворяюсь в тебе, стадион, сорок тысяч во мне твоих мнений.
Пас, обводка и снова пас. Вот удачи анфас и профиль.
Стадиона неистовый глас — эхо греческой философии.
Свист, как птица, летит в облака над победой и над пораженьем.
А в ушах — от свистка до свистка — ветер первенства, ветер весенний!

Как по мне, настоящий футбол превращает в весну любое время года. Даже осень. Но сентябрь — это еще только примерка к осени. Все еще только начинается. И школа в том числе.

У первых холодов — нестрашный вид. В зеленых листьях притаилось лето.
И ощущенье осени парит, как голубь мира над планетой.
И синева раскрытого зрачка подобна синеве небесной.
И даже грусть пока еще легка, как будто перышко над бездной.

Первый школьный день запомнился не самой школой (видимо, отпустили нас тогда быстро), а возвращением домой, жареной картошкой, которую мы ели с дедом, и игрой в настольный футбол — подарок надо было опробовать. Интересно было бы узнать судьбу того выпускника, 1941 года рождения. На долю его поколения пришлась война в самом раннем детстве, потом — все прелести послевоенных этапов, распад страны, независимость (в первую очередь, от совести) и на закуску — снова война. Сурово обходится с нами жизнь. Тем не менее, первый класс прошел без особых проблем и забот. Подготовлен я был хорошо, читать-считать уже умел, а главным предметом для меня стала тогда каллиграфия.

Окончание. Начало на стр. 5-6

ВЛАДИМИР СПЕКТОР
ШКОЛА НА ВСЮ ЖИЗНЬ...

Это был какой-то ужас. Наклон, нажим, тоненькие линии. Не дай Бог — клякса... По несколько раз переписывал домашние задания, постоянно вместе с папой (попутно посылавшим недобрые приветы творцам чистописания) вырывая испорченные страницы и вставляя новые. Но в итоге моя тетрадь была представлена на выставке лучших работ по каллиграфии. Родителям было приятно. Я, видимо, важности события не осознавал. В конце концов, в средних классах все перешли на шариковые ручки, это была настоящая революция в школьном письме. Каллиграфию отменили. А почерк у меня отвратительный. Ранние успехи в чистописании не помогли (ничего, как говорила мама, главное, чтоб характер был хороший). В конце школьного года отличников учебы и носителей примерного поведения, среди которых был и я, наградили Почетными Грамотами и книгами. Мне досталась книга о животных, которую я, из уважения к подарку, прочитал (без интереса), особое внимание уделив картинкам.

Дед торжествовал. Грамота была предъявлена всем соседям и родственникам, как законное обоснование того, что позывной «Курчатов» мне присвоен не зря. Добавил масла в огонь и директор школы Коломников, которого все называли «Боцман». Вручая мне Грамоту и книгу, он в присутствии дедушки (пришедшего на церемонию вручения наград) посмотрел на меня и сказал: «Что ж ты такой худой! Ну, ничего, мясо нарастет (знал бы он, как близок к истине), главное, вижу, что будешь ученым. Будешь?» И я ответил: «Буду». А что я еще мог сказать. «Боцмана» любили и уважали все — и двоечники, и отличники. Он был добродушным и справедливым. И, как настоящий боцман, сильным. Поэтому, как говорил дедушка, «босва» его боялась и вела себя в школе прилично. К началу второго класса я пришел уже в новой весовой категории. Евгения Наумовна свое удивление выразила интеллигентно, заметив: «Во, какой ты справный стал за лето», одноклассники тут же припечатали меня «жиртрестом». Начались мои мучения и вживание в роль «пузотера и «мясокомбината».

Толстый и застенчивый «жиртрест», гордый,
в той же мере, что и жалкий...
Призрак одиночества воскрес, выходя из школьной
раздевалки.
Он меня узнал и подмигнул. Я — в ответ, сквозь
время расставаний,
Где вдоль детства — вечный караул из надежд
и разочарований.

Моя двоюродная сестра сказала мне: «Теперь ты стал толстым и красивым» Ее точка зрения меня абсолютно не утешила. Самое главное, те скромные усилия, которые я прикладывал к тому, чтобы избавиться от лишних килограммов, никакого результата не приносили. Теперь понимаю, что нужно было регулярное посещение спортивной секции. Видимо, мама это понимала тоже и дважды водила меня записываться «на спорт». Первый раз это было в бассейне «Динамо». Мучительно стесняясь, я разделся перед молодой тренершей, она посмотрела на мои складки на животе и спросила маму: «Женщина, как вы это себе представляете? Кого вы привели? Мы здесь готовим спортсменов, чемпионов». Все было ясно без лишних слов. В секции настольного тенниса, которая оказалась следующей на нашем пути, тренер раздеваться не заставил, просто сказал: «Приходи, занимайся». Но это приглашение совсем не понравилось пацанам, старожилам этой секции. Конфликт был бурным и завершился не в мою пользу, правда, без больших и явных потерь. Но первая тренировка в итоге оказалась для меня и последней. Больше попыток влиться в стройные и организованные спортивные ряды вплоть до восьмого класса я не предпринимал. Занимался дома с гантелями, отжимался от пола, приседал. Папа купил изумительную книгу «Атлетизм» Игоря Тенно, советам и наставлениям которой я пытался следовать, но, надо признать, без особых успехов. Не скажу, что жизнь была сплошным мучением. Нет, конечно. Внешне все было нормально. И даже с определенными успехами. Папа как-то сказал: «Запомни, с твоей фамилией тебе, чтобы получить «пятерку», нужно знать на «шесть». Это стало нормой жизни. Не во всем, конечно, но в учебе — точно. «Синдром отличника» сидит во мне по сей день. Одноклассники заметили его тоже, и мои тетради с выполненными домашними заданиями пользовались большим спросом на переменках и перед началом занятий. По-моему, в третьем классе, когда кукуруза стала в СССР «царицей полей и лесов», а также главной героиней новостей, кинофильмов, легенд и анекдотов, в школе затеяли актуальную театральную постановку с изысканным и незатейливым названием «Король-урожай и королева-кукуруза». Мне (толстому и красивому) досталась роль короля-урожая. Ни одного слова из этой роли я, конечно, уже не помню. Но творческие поиски по созданию достоверного образа были натуральными. Из крашеной марли мама пошила мантию, а из принесенной с завода фольги папа вырезал корону. Дедушка выбор учительницы одобрил горячо. А кому ж еще быть королем! К выбору королевы отнесся придирчиво и скептически. Потом еще долго спрашивал: «Как там твоя мадам «кукуруза»? — имея в виду школьные успехи девочки, шедшей со мной по школьной сцене под руку, с кукурузной короной на голове. В общем, культурное мероприятие было в духе времени, а кукуруза потом появилась во всех хлебобулочных изделиях наряду с горохом. Хлеб, особенно белый, стал дефицитом, и нам в школе выдавали по половине городской булочки со стаканом молока.

Булочку я приносил домой, а молоко, которое не любил, отдавал одноклассникам. Потом скромное хлебное изобилие было восстановлено, но уже без «главного кукурузника» Хрущева. Взрослые обсуждали перемены во власти с оптимизмом и надеждами. «Кому на Руси жить хорошо? — Хрущеву и Брежневу, остальным — по-прежнему». Этим четверостишьем блеснула за ужином мама, а я запомнил сходу (действительно, легче всего запоминается то, что нужно меньше всего). «По-прежнему» — так живется большинству людей и сейчас. Ведь очень многое зависит не от твоего таланта, умения, а от жизненных обстоятельств, стартовых условий. Но кое-что, все-таки, зависит и от каждого из нас. В том числе, от здоровья. Во втором классе в разгар зимы, после очередного обильного снегопада и последующей резкой оттепели, нас решили после уроков повести в музей. Идея хорошая, но у меня на ногах были войлочные ботинки, и не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что ноги промокнут обязательно. Я и понял, но сказать Евгении Наумовне постеснялся. Поскольку дорога к музею была одной сплошной лужей, промок мгновенно и потом страдал всю экскурсию, не слушая о чем там рассказывали, мысленно переживая неминуемую простуду. Дед ахнул, когда я пришел домой, продрогший, с мокрыми ногами. Он растер мне их скипидаром, сделал чай с малиной и даже включил свою любимую синюю лампу (рефлектор), чтобы я согрелся. Но к вечеру температура была около 40, и неделю я провел в теплой, но горькой компании пенициллина и прочих друзей-врагов здоровья. Папа, приходя с работы, обычно с каким-то пренебрежением и сожалением повторял: «Эх, такая погодка мировая, дети играются, на санках катаются, а ты тут валяешься...» Конечно, он не хотел меня обидеть, но получалось именно так. Спустя много лет, став отцом, я подобных фраз и интонаций избегал. Всему учишься на своем опыте. А войлочных ботинок мне больше не покупали. Вообще, обувь в школе, особенно младшей, это — культовое понятие. У всех были свои особые мешочки для сменной обуви. Без них на занятия не пускали. Забыл — иди домой (очень хорошо), а потом приходи с родителями (очень плохо). На входе в школу стояли дежурные — те же школьники, только с красными повязками (такие же стояли вдоль лестниц — следили, чтоб не бегали, а нарушителям делали дружеский предупредительно-поучительный пинок под зад). Отрава микроскопической власти действовала мгновенно (правда, не на всех). Но на многих, и они самозабвенно командовали, «вершили судьбы», пропуская или не пропуская в школу таких же, как они, только без повязок. В общем, нолики начинали ощущать себя крестиками, проявляя качества будущих начальников из взрослой жизни. Помню, как учитель литературы Алексей Михайлович сказал: «У школьных дежурных порой заметен извечный комплекс «вертухая». Тогда я это не совсем понял, потом дошло. Так что, мешочки со сменной обувью — это было важно, и я их не забывал. Сильным развлечением в начале и конце школьного года был сбор металлолома и макулатуры. С макулатурой было попроще — газет и политических брошюр хватало, и процесс освобождения от них в семье только приветствовался (тем более, в мои школьные годы официальный обмен макулатуры на дефицитные книги еще отсутствовал). А вот в металлолом рисковали попасть и нужные вещи, на которые ненароком упал горящий взгляд искателя металла. Тащили, упираясь и пыхтя, какие-то тяжеленные конструкции с близлежащих строек, всю плохо лежащую домашнюю утварь (помню, кто-то приволок швейную машину, которую родители потом забрали назад). В общем, это было, конечно, полезное дело, которое всеобщим идиотским старанием доводилось до абсурда. А среди гор макулатуры мы потом, подобно бриллиантам в навозе, тоже отыскивали любопытные книги, пополнявшие домашние библиотеки. У меня и по сей день стоит на полке второй том собрания сочинений Гарина-Михайловского, изданный в конце 19 века и ставший чьим-то трофеем в борьбе за макулатурные успехи. Если честно, прочитать его я так и не смог. Но не выбрасывать же книгу. «Взвейтесь кострами синие ночи, мы пионеры — дети рабочих. Пионер — всем ребятам пример! К борьбе за дело великого Ленина — будь готов! Как повяжут галстук, — береги его, он ведь с красным знаменем цвета одного»... Это потом все воспринимается с иронией и сарказмом. А поначалу — с трепетом. Принимали в пионеры на торжественной линейке, перед этим учились отдавать салют и тренировались повязывать галстук. Серьезное дело. Потом на сборе отряда (классном собрании) выбирали звеньевых и председателя совета отряда. У них на рукавах были красные лычки (одна или две). Меня Евгения Наумовна назначила санитарным дружинником (видно, вполне логично решила, раз мама врач, пусть сын будет дружинником). И я ходил с белой повязкой на рукаве. А посредине повязки — вышитый мамой красный крестик. Моей задачей было проверять чистоту рук. Проделал я это один раз — очень не понравилось. Больше процедура не повторялась. Но с повязкой не расставался года два или три.

Галстук (он мог быть ситцевым, который надо было гладить каждый день, или шелковым, который мялся меньше) снимался по дороге домой, а пионерских значков носить и вовсе не требовали. Дважды я был на районных пионерских слетах, где всем участникам дарили книги. Мне достались традиционные «Рассказы о Ленине» (в суперобложке) и «Пионерская энциклопедия», весьма информативное издание, которое я прочитал полностью. Из того времени вспоминается еще «Пионерская зорька» и «Пионерская правда». «Зорька» — утренняя радиопередача, которую я слушал с удовольствием. Она была бодрая, веселая, задавала настроение (вот, что значит — делали ее талантливые люди). «Пионерская правда» особого внимания не привлекала, использовалась для обертывания завтраков и в дальнейшем оставшиеся экземпляры благополучно отправлялись «на переплавку» в макулатуру. Перескочив во времени и пространстве четверть века, могу вспомнить, каким ярким событием стал прием в пионеры дочери Иры. Эпоха была перестроечная, особого трепета уже не наблюдалось, но торжественная линейка предусматривалась. Утром накануне церемонии к форме пришивался новенький кружевной воротничок, и так случилось, что иголка с ниткой в процессе пришивания случайно оказалась на диване, который неугомонная Ира успешно использовала для тренировок в стиле «прыжки на батуте». Очередной прыжок завершился приземлением в районе расположения иголки, которая стремительно проткнув пятку, погрузилась в нее полностью. Так, что из нее торчала только нитка. Зрелище было не для слабонервных. Избежав потери сознания от ужаса происходящего, я не нашел ничего лучшего, чем достать плоскогубцы и приступить к операции по извлечению иголки. Ира, надо отдать должное, то ли от неполного понимания случившегося, то ли по безрассудной смелости, держалась на удивление спокойно и зарыдала только, когда я, нащупав окончание иголки, начал осторожно выдергивать ее из пятки. Повезло, что иголка была с ниткой. Извлечение прошло удачно. Только после этого мы распространили информацию среди домашних, которые, пройдя стадию потери речи, высказали все, что думают о пионерах, спортивных пристрастиях Иры и моей рассеянности. О посещении торжественной линейки и думать было нечего, тем более, на нее уже опаздывали. Зато в качестве утешительного бонуса мы насладились путешествием в травмпункт, где Ира получила заслуженную прививку от столбняка. Учительница рассказу не поверила. Но пионерский галстук выдала. «Ты комсомолец? — Да! Давай не расставаться никогда. На белом свете парня лучше нет, чем комсомол 60-х (70-х) лет». В комсомол принимали в райкоме, перед этим изучали устав и особенно понятие «демократический централизм». Чем-то оно приглянулось нашим школьным деятелям. Процедура приема была быстрой и необременительной. Домой вернулся с комсомольским значком на лацкане пиджака и с билетом в кармане. Не помню, кто у нас был комсоргом класса и школы, меня избрали в комсомольское бюро, что, в принципе, не требовало никаких дополнительных усилий. Комсомольская романтика уже в те времена осталась только в кино и романах. Немолодые, раздобревшие комсомольские лидеры симпатии не вызывали. Помню, как с изумлением прочитал строчку Есенина «Задрав штаны, бежать за комсомолом». Что сказать... Давно никто и никуда не бежит. Секретари райкомов, горкомов и т. д. стали бизнесменами, депутатами, хозяевами новой жизни, в которой главный идеологический принцип — «Урвать, как можно больше здесь и сейчас, невзирая ни на что». Рвут и мечут.

Крылатый унитаз над миром воспарил.
Был трубен его глас, полет тяжелокрыл
И на земле ему все те отозвались, кто жили по уму,
по заднему. Всю жизнь.
Плывет урчащий строй сквозь задних мыслей гром.
А тут и мы с тобой по их земле идем.

Безусловно, я не был похож на Вовочку из анекдота, которому в школе нравились больше всего каникулы. Но, чего скрывать, они радовали душу. Это было время не только запойного чтения (что само собой разумеется), но и общения, игр с ровесниками.

Продолжение в следующих номерах «Поэтограда»

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

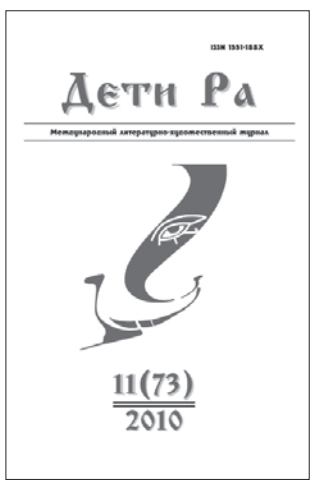
Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.



Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru,
http:/ / poetograd1.livejournal.com,
http:/ / www.facebook.com/ poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)
Главный редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев
Шеф-редактор
Евгений Мелешин
Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Глеб Пузыревский
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд